

Она в последний раз взглянула на Лу Мянь и зашагала прочь. Ее шаги были быстрыми и тяжелыми, словно она пыталась оставить позади что-то невыносимо тягостное.

Система больше не подавала признаков жизни, не зудела над ухом — вероятно, сочла ее привычку сбегать сразу после выполнения задания удовлетворительной или же просто затаилась, вынашивая очередную пакость.

Улица была полна машин и прохожих, стоял шум и гам, но всё это казалось ей чуждым, отделенным невидимой стеной.

Она пошарила в пустых карманах: после оплаты проезда там почти ничего не осталось. Навалилось запоздалое чувство голода, принесло с собой тошнотворную пустоту.

Нужно раздобыть денег.

Эта мысль вгрызлась в сознание, словно инстинкт.

В ее прежней жизни именно так она и выживала: пробивалась с низов, подбирала объедки, работала на побегушках, а потом бралась за любую грязную и опасную работу, лишь бы выжить. Наконец-то удалось скопить хоть что-то, вот-вот можно было вздохнуть свободно... и что в итоге?

Она остановилась на краю тротуара, глядя на свое отражение в витрине.

Чужая кожаная куртка, всклоченные волосы, глаза — глубокие и тяжелые, без дна.

Тридцать лет. Она думала, что наконец выбралась из той трясины, но стоило открыть глаза — и она снова, черт возьми, оказалась в самом начале пути, если не в худшем положении. Тот мир хотя бы был настоящим, а этот? Что это вообще такое?

Волна невыразимого раздражения и ярости накрыла ее, едва не снеся крышу.

Она со всей силы пнула стоящий рядом мусорный бак. Раздался оглушительный грохот, прохожие покосились в ее сторону. Ей было плевать. Она тяжело дышала, а в груди словно застрял раскаленный ком.

За что?

Она столько вынесла, столько натерпелась, грызлась за еду, как бродячий пес, чтобы отвоевать крошечный клочок земли под ногами.

Она даже не успела по-настоящему насладиться жизнью, где не нужно было скитаться по свету.

Она не смирится. Как она может смириться?

Зажмурившись, она подавила рвущиеся наружу эмоции. Сейчас не время для истерик.

Нужно выжить. В каком бы мире ты ни оказался, это правило неизменно.

Опираясь на обрывки воспоминаний, сохранившихся в этом теле, она свернула в обшарпанные переулки и нашла старый дом с осыпавшейся штукатуркой.

Подъезд был завален хламом, в полумраке стоял тяжелый запах пыли и прокисшей еды.

Она открыла проржавевшую железную дверь на третьем этаже ключом, припрятанным под ковриком.

Внутри была крошечная комната: деревянная кровать, облупившийся шкаф и шаткий стол — больше ничего.

Стекло в окне треснуло, щель была заклеена скотчем. Вот где жила Гу Му.

Чуть лучше тех трущоб, где она сама когда-то снимала жилье, начав свой путь. Но ненамного.

Она повалилась на жесткую кровать и уставилась в потолок. В голове — полная каша. Система, задания, главная героиня, деньги... всё переплелось в тугой узел.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда живот снова заурчал.

Она смиренно поднялась и выгребла из угла ящика последние монетки. Нужно искать работу.

Она вспомнила о бумажке в кармане с надписью Домашняя кухня сестры Чжан.

Всплыли обрывки памяти: шумная, но добросердечная женщина средних лет, владелица маленькой закусочной, которая иногда звала Гу Му помочь на кухне или развезти доставку за небольшую плату.

Следуя памяти, она дошла до оживленной улицы. Вывеска Домашней кухни сестры Чжан была засаленной. Как раз время обеда, внутри яблоку негде было упасть.

Стоило ей подойти к дверям, как из них вышла полноватая женщина в фартуке, неся ведро с помоями, и едва не врезалась в нее.

— Ой! Напугала! — женщина подняла голову, узнала ее и тут же заголосила: — А, это ты, Сяо Гу? Сколько дней тебя не было, где шлялась? Поела хоть?

Это и была сестра Чжан. В ее глазах читалась искренняя забота.

Гу Му отвела взгляд, чувствуя себя неловко, и сухо ответила:

— Нет.

— Я так и знала! Жди! — сестра Чжан вихрем развернулась и скрылась внутри, а вскоре вынесла большую чашу, полную риса с овощами и аппетитной куриной ножкой. — Давай, ешь, пока горячее! Лицо бледное, опять с кем-то дралась?

Гу Му смотрела на дымящуюся еду, и в горле словно встал комок.

Она ничего не сказала, взяла чашу, прислонилась к стене и принялась жадно есть.

Еда была самой простой, но сытной. Тепло разлилось по пустому желудку, принесло короткое мгновение успокоения.

Сестра Чжан продолжала болтать:

— Ну что ты за человек, девчонка, совсем не бережешь себя... Деньги за прошлый раз у хозяина Лю я для тебя забрала, позже отдам. В закуской сейчас завал, если нет дел, поможешь развезти заказы? По старой ставке.

Гу Му, жуя, невнятно буркнула:

— Угу.

Весь день она провела на старом электроскутере сестры Чжан, мотаясь по переулкам.

Работа нудная, тяжелая, да еще и зависящая от капризов клиентов. Один из них, недовольный долгой доставкой, отчитал ее, тыча пальцем в лицо.

Гу Му сжала руль так, что побелели костяшки, но промолчала. Ради денег.

Когда она закончила последний заказ, уже стемнело. Она взяла у сестры Чжан оплату — несколько тонких бумажек, которые почти ничего не весили в руке.

Она стояла на перекрестке, глядя на загорающиеся неоновые вывески и спешащих куда-то людей. Огромная усталость и чувство абсурдности происходящего накрыли ее с головой.

Тридцать лет.

Она думала, что выкарабкалась, что больше не придется унижаться ради куска хлеба, жить в такой дыре и убиваться ради грошей.

И что в итоге?

Случайность, дурацкая система — и она снова у разбитого корыта. Хуже того, ей еще приходится беспокоиться о чужих жизнях и любви.

Она прислонилась к холодному столбу и закурила самую дешевую сигарету, купленную на только что заработанные деньги.

Дым обжег легкие. Она запрокинула голову и медленно выпустила его, наблюдая, как он растворяется в ледяном воздухе.

Когда же этот ад закончится?

Приступ отчаяния, от которого перехватывало дыхание, подстегиваемый никотином, медленно поднимался из глубины души.

Пепел посыпался на пальцы, обжег кожу. Гу Му очнулась, бросила окурочек на землю и растерла его ботинком. Слабый огонек погас, как и ее надежда.

Она спрятала помятые купюры в карман и, не возвращаясь в холодную съемную комнату, бесцельно побрела по улице.

Ночной ветер немного остудил пыл, но на смену пришла еще более глубокая усталость, просачивающаяся сквозь кости.

Нужны быстрые деньги.

Если только развезти доставку, когда еще удастся собрать приличную сумму на случай ЧП, вроде того, что случилось в больнице? Раз уж прежняя владелица тела была уличным бойцом, у нее должны быть связи.

Она начала копаться в хаотичных обрывках памяти. Всплыли имена и места: Тао Чжи — хорошо осведомленный посредник; старый бильярдный клуб на западе города — место встреч; и еще некий Босс — фигура, существующая лишь в тени ее памяти, внушающая страх и трепет.

Она свернула на еще более неблагополучную улицу, где неоновые вывески мигали двусмысленными огнями.

Нашла нужный клуб. Дверь была обшарпанной, а внутри стоял тяжелый смрад: смесь табака, пота и дешевых духов.

В полумраке у бильярдных столов толпились подозрительные типы, громко переговариваясь.

Появление Гу Му заставило их на мгновение замолчать. Взгляды, скользнувшие по ней, были полны оценки и скрытой настороженности. Очевидно, прежнюю хозяйку здесь знали.

Она не обратила внимания на их взгляды и подошла к стойке в углу.

Худой как тростинка мужчина в цветастой рубашке щелкал семечки. Увидев ее, он прищурился.

— О, какие люди! Сестрица Гу, — он выплюнул шелуху и протянул слова с елейной интонацией. — Слышал, ты пару дней назад вляпалась в историю? Все в порядке?

Гу Му пропустила его слова мимо ушей и перешла к делу:

— Где Тао Чжи?

— Ищешь Тао-гэ? — он окинул ее взглядом. — Он занят. Что, сестрица Гу, прижало с деньгами, снова хочешь подработать?

Гу Му коротко кивнула, не добавив ни слова.

Мужчина усмехнулся, подался вперед и понизил голос:

— Работа есть. Только... не знаю, потянешь ли ты? Слышал, ты серьезно пострадала, смотри, не...

Он не успел договорить — взгляд Гу Му стал ледяным. Это был взгляд человека, годами скитавшегося по улицам, острый, как заточенный клинок.

Слова застряли у него в горле, он невольно отпрянул.

Гу Му не тронула его, лишь глядя прямо в глаза, произнесла ровным голосом:

— Меньше болтай. Есть работа?

— ...Есть, есть, — он смущенно потер нос. — На ночном рынке один торговец совсем страх потерял, не хочет платить за место и еще права качает. Босс велел отправить двоих, чтобы «напомнили» ему правила. Оплата — вот такая.

Он показал сумму на пальцах.

Гу Му взглянула: немного, но на пару дней хватит. Она кивнула:

— Идет. Я возьмусь.

— Вот и отлично! — он снова принял свой елейный вид. — Знал, что сестрица Гу не подведет. Ступай сейчас, как раз скоро сворачиваются.

Гу Му развернулась и вышла.

На улице холодный воздух заставил ее вздрогнуть. Она сжала кулаки, суставы хрустнули. Это ощущение было ей до боли знакомо и отвратительно.

Добывать средства к существованию насильем — ее самое давнее и ненавистное ремесло.

Следуя адресу, она нашла ночной рынок. Поток людей поредел, многие торговцы уже собирались.

Она легко нашла нужную лавку: продавец жареной лапши, плотный мужчина средних лет, сердито складывал стулья.

Гу Му подошла и безразлично постучала по его прилавку.

Хозяин недовольно поднял голову:

— Закрыто! Больше не продаю! — увидев Гу Му, он замялся, тон стал чуть мягче: — Чего надо?

— Плата за место, — бросила она.

Лицо торговца изменилось, он оскалился:

— Какая еще плата? Впервые слышу! Проваливай! Не мешай работать!

Гу Му не сдвинулась с места, глядя на него без всяких эмоций. Ее молчаливое давление лишь сильнее выводило его из себя.

— Глухая, что ли? — он схватил половник и ткнул им в сторону Гу Му. — Вали отсюда, пока я не разозлился!

Гу Му двинулась в ту же секунду.

Она увернулась от удара половником, левой рукой молниеносно перехватила запястье мужчины и резко вывернула его, а правой нанесла тяжелый удар локтем в мягкие ткани под ребрами.

Торговец взвыл, половник со звоном упал на землю, а сам он скрючился, побледнев от боли и холодного пота.

Гу Му отпустила его и посмотрела сверху вниз, голос оставался ровным:

— Плата за место. Будешь платить?

Торговец тяжело дышал, в его глазах застыл страх, от прежней спеси не осталось и следа.

— Буду... буду... — он дрожащими руками вытащил из поясной сумки мелочь и, не считая, сунул ей.

Гу Му взяла деньги, даже не взглянув на них, и сунула в карман.

Все заняло меньше минуты.

Остальные торговцы наблюдали издалека, никто не осмелился подойти, многие даже отвели глаза.

Она развернулась и ушла, а за спиной слышались приглушенные стоны. Еда, которую она съела, снова начала ворочаться в желудке, вызывая тошноту.

Вот так она добывала деньги. Она ведь думала, что с этим покончено.

Она подошла к мусорному баку у выхода с рынка и, упершись в холодный металл, несколько раз сдавленно кашлянула, но ничего не вышло.

Просто усталость. Усталость, идущая из самых глубин души.

Когда же это закончится?

Она выпрямилась и посмотрела на этот чужой, но такой знакомый ночной город — огни сияли, но не могли осветить тьму в ее глазах.

Она сжимала в кармане пачку денег, пахнувших гарью, и впервые отчетливо осознала: мир, из которого она так отчаянно пыталась выбраться, снова — в еще более абсурдной форме — намертво притянул ее обратно.

Эта система, эта девчонка по имени Лу Мянъ — две горы, навалившиеся на ее жизнь, только начавшуюся заново, не давая ей вздохнуть.

<http://bllate.org/book/18824/1832028>